

2. а.
26886.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА № 1

В. ВЕРЕСАЕВЪ

„БЕЙ ЕГО!“

85989

(О САМОСУДАХЪ)

ЦѢНА 20 КОП.

Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ“

22

26886

О САМОСУДАХЪ

Было это, помнится, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ Москвѣ. Ъхаль я на трамваѣ по Мясницкой. На площадку вагона къ намъ вскочилъ скуластый парень въ кожаной курткѣ, очень блѣдный и взволнованный. И сейчасъ же началъ рассказывать:

— Что тутъ сейчасъ въ переулкѣ дѣлалось! Жуликовъ мы поймали. Забрались они въ квартиру къ швейцару, стали очищать. А швейцаръ накрылъ. Выскочили они и побѣжали, а мы навстрѣчу идемъ. Швейцаръ намъ кричить. Мы руки разставили, — „стойте, голуби!“ Такъ, словно сѣткой, обоихъ и накрыли!

6258

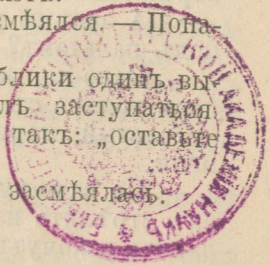
И онъ улыбнулся. Бываютъ такія лица: улыбнется,—и все лицо словно засвѣтится отъ улыбки. Такъ было и у этого парня. Публика жадно слушала. Большой, толстый старикъ въ картузѣ спросилъ крѣпкимъ голосомъ:

— Ну, что-жь, въ загорбокъ имъ — отпустили, сколько слѣдуетъ?

— Отпустили. Ужь вотъ какъ лупили! Народу много сбѣжалось; какъ приняли ихъ въ кулаки! Такъ отъ одного къ другому и летаютъ.

— Ха-ха! — Старикъ довольно засмѣялся. — Попались, мерзавцы!

— Да, такъ вотъ... Вдругъ изъ публики одинъ, выскривается. Подозрительный. Началъ заступаться „За что, говоритъ, бьете?“ И дерзко такъ: „оставьте ихъ сию минуту!“

Кухарка съ провизіей негодующе засмѣялась.

— Видишь ты! „За что?“

Другой прибавилъ:

— Не выдержалъ, значить. Самъ на себя доказалъ. Какъ говорится: на ворѣ и шапка горитъ.

Парень продолжалъ:

— Мы было сначала ничего. Думали, и вправду человекъ по добротѣ вмѣшался. Вдругъ видимъ, подъ воротникомъ у него шнурокъ какой-то толстый. — „Это что у тебя тамъ, товарищъ?“ Вытаскиваемъ револьверъ. Ну, тутъ сейчасъ милиціонеръ подошелъ, бацъ въ него! Упалъ. Поволокли ихъ въ комиссаріатъ. Народъ совсѣмъ озвѣрѣлъ, бьетъ, куда попало.

Я воскликнулъ:

— Какъ? И раненнаго?!

Толстый старикъ сердито уставился на меня.

— А по вашему что, — на носилочки его, да въ больницу? „Гдѣ тебѣ больно сдѣлали? Дай, перевяжемъ!“ „Похлебай бульонцу!“ Уничтожать ихъ всѣхъ надо, какъ собакъ!

— Втащили ихъ всѣхъ въ комиссаріатъ, народъ туда рвется, милиціонеры удерживаютъ. Вышелъ самъ комиссаръ, заявляетъ: „товарищи! Расходитесь! Мы ихъ пострѣляли“. Послалъ народъ депутатовъ, поглядѣли они, говорятъ: „вѣрно. Всѣ трое лежатъ, умираютъ.“

Я спросилъ парня въ кожаной курткѣ:

— А почему вы увѣрены, что третій тоже былъ воръ? Можетъ быть, онъ просто заступался за нихъ.

— А зачѣмъ у него револьверъ былъ припрятанъ подъ пальто?

— Мало-ли, зачѣмъ! Послѣ революціи многіе теперь ходятъ съ оружіемъ.

Толстый старикъ засмѣялся и ядовито спросилъ меня:

— По вашему, господинъ, слѣдовало ждать, чтобы онъ стрѣлять началъ въ народъ? Нонѣ они какъ дѣлаютъ: вскочутъ въ автомобиль и пойдутъ палить во всѣ стороны. Лови-ка его, какъ въ автомобиль вскочить!

— Да вѣдь ихъ ужъ поймали. Какъ-же они могли бы вскочить въ автомобиль? Отвели бы ихъ въ тюрьму, судили бы, и каждаго бы присудили, къ чему слѣдуетъ.

— Ххе!..—Старикъ засмѣялся и махнулъ рукою.— Къ чему присудили бы? Посадятъ на годъ въ тюрьму, а тамъ на волю выпустятъ. И опять пойдутъ они народъ обижать. Нѣтъ, этакъ-то лучше! Перебить ему на ногахъ всѣ кости, переломать ребра,— въ другой разъ и захочетъ опять за дѣла свои взяться, да не сможетъ. И другимъ ворами всѣмъ будетъ поучительно!

Вмѣшался солдатъ-ратникъ, очень пожилой, съ большимъ и грустнымъ лицомъ. Сиплымъ, застуженнымъ голосомъ онъ сказалъ мнѣ:

— Господинъ! Позвольте вамъ сказать. Вотъ, забрались эти воры къ швейцару, къ трудящему человѣку. Одежонку бы у него стащили, сапоги, юбку женину. Онъ, можетъ, сколько лѣтъ трудился, чтобъ все себѣ справить, а вѣдь они бы его всего лишили.

Толстый старикъ злобно поглядывалъ на меня.

— Вотъ трудящаго-то человѣка вамъ не жалко! А мерзавцевъ этихъ, лодырей, что другихъ грабятъ,— о нихъ вы очень даже беспокоитесь!

Солдатъ прибавилъ:

— Вотъ еще у насъ въ деревнѣ взять, конокрадовъ или поджигателей. У мужичка вся сила его въ лошади, что онъ безъ нея будетъ дѣлать? А этотъ злодѣй ее свелъ. Мужикъ по-міру иди. Или избенку ему сожгутъ, ригу. Какъ же ихъ не убивать, разбойниковъ?

Сердитый старикъ махнулъ въ воздухъ крѣпкимъ своимъ кулакомъ и крикнулъ:

— Уничтожать! Безъ всякихъ разговоровъ! Страхъ пропалъ. А вотъ, какъ будетъ всякій знать, что его тутъ-же на мѣстѣ прихлопнуть,—небось, побоится!..

Солдаты продолжали:

— Намедни на Сухаревой поймали четырех воров, народъ накинулся. Вдругъ полковникъ выходитъ. „Господа! Погодите. Разступитесь!“ Вынулъ револьверъ,—бацъ! бацъ! бацъ! бацъ! Каждому прямо въ лобъ! И пошелъ прочь.

Споръ разгорался, и все были противъ меня, все дружно доказывали, что такъ имъ и надо, всякимъ убійцамъ и ворамъ. Мнѣ больно было за парня въ кожаной курткѣ. Такая у него была хорошая, свѣтлая улыбка,—и такъ онъ былъ твердо увѣренъ душою, что злое дѣло, въ какомъ онъ принялъ участіе, есть дѣло самое хорошее и правильное.

Назавтра утромъ я развернулъ газету, сталъ читать—и ахнулъ. Въ ней сообщалось, что вчера, въ районѣ второго мясницкаго комиссаріата, два вора забрались въ швейцарскую, ихъ поймали и повели въ комиссаріатъ. По дорогѣ собралась толпа и стала избивать воровъ. Проходившій мимо студентъ Лашковъ сталъ убѣждать толпу прекратить самосудъ. Толпа, замѣтивъ на немъ револьверъ, приняла студента за сообщника и стала его бить. Милиціонеръ выстрѣлилъ Лашкову въ спину. Въ участкѣ оба вора и студентъ Лашковъ умерли. Стрѣлявшій въ Лашкова милиціонеръ и комиссаръ участка привлекаются къ отвѣтственности.

Я вспомнилъ вчерашняго парня въ кожаной курткѣ, вспомнилъ его милую, свѣтлую улыбку. Прочелъ ли онъ сегодня въ газетѣ о томъ, что онъ вчера натворилъ? И что онъ при этомъ испыталъ? Понялъ ли онъ, что, по легкомыслию своему, онъ съ товарищами лишилъ жизни невиннаго человѣка, и что теперь этого уже ничѣмъ, ничѣмъ нельзя поправить? И понял ли онъ теперь, что жизнь человѣческая—вещь драгоцѣнная, и къ ней нужно относиться очень бережно?

Въ давнія времена, когда люди жили еще въ дикомъ состоянїи, расправа съ преступниками была у нихъ короткая. Укралъ человѣкъ, изнасиловалъ женщину, убилъ кого,—его хватали и убивали самого. Но постепенно люди поняли, что нельзя судить человѣка случайно собравшейся толпѣ, что слишкомъ часто при этомъ страдаютъ невинные. И стали требовать, чтобы преступниковъ приводили въ судъ. А что такое судъ, какое его назначеніе? Вотъ какое: прежде, чѣмъ осудить человѣка, судъ подробно опрашиваетъ всѣхъ свидѣтелей, какъ случилось дѣло, хладнокровно рассматриваетъ происшествіе со всѣхъ сторонъ, выслушиваетъ всѣ объясненія и оправданія подсудимаго, и только послѣ этого налагаетъ на виновнаго заслуженное наказаніе.

При самосудѣ не можетъ быть ничего такого. Подняли люди на улицѣ крикъ, собирается толпа. Тѣсняются, напѣраютъ, спрашиваютъ другъ друга:

— Въ чемъ дѣло?

— Не знаю. Вора, слышно, поймали.

— Гдѣ онъ?

— Говорятъ,—бородатый этотъ. Въ лавку бакалейную забрался.

— Нѣ-ѣтъ! Это его-то и обобрали! Вонъ, рыжій этотъ, въ солдатской одежѣ. Кошелекъ вытащилъ у него.

— Ишь, негодяй! И еще солдатомъ обрядился, чтобъ ему больше было вѣры!

— И все невѣрно! Оба они изъ одной шайки. Женщину въ череду у булочной прижали, двадцать пять рублей у нея вытащили.

Народу подходитъ все больше, шумъ, гамъ. Все больше разжигается у всѣхъ сердце, все сильнѣе тянетъ самимъ расправиться съ жульемъ, отъ котораго послѣднее время совсѣмъ не стало житья. А въ середкѣ крикъ и ругань, одинъ уличаетъ дру-

гого. Нелегко разобрать, кто тутъ правъ, кто нѣтъ. Выйдетъ сухъ изъ воды тотъ, у кого голосъ погромче, кто держится по-увѣреннѣе, кто привыкъ имѣть дѣло съ толпою.

А жулики какъ разъ привыкли имѣть дѣло съ толпою, и у нихъ на каждый случай есть готовые способы дѣйствія. Когда жулику приходится спастись отъ погони, что онъ дѣлаеть? Бѣжить и не оглядывается, а, напротивъ, указываетъ пальцемъ впередъ и вопить:

— Держи!! Держи!!

Безъ этого встрѣчные задержали бы его, а тутъ— начинаютъ смотрѣть впередъ, выискивають, гдѣ тамъ жуликъ. А жуликъ тѣмъ временемъ пробѣжалъ мимо.

То-же самое и тутъ. Поймалъ человекъ вора, а воръ на него-же набросится, начинаетъ кричать, что онъ его обокралъ. И держится такъ, что никому и въ голову не придетъ подумать на него. Чѣмъ чаще становятся самосуды, тѣмъ лучше научаются жулики увертываться отъ нихъ и наводить толпу на ложный слѣдъ. То и дѣло приходится читать теперь въ газетахъ, какъ ловко водятъ жулики за носъ довѣрчивую, глупую толпу. Недавно, напр., въ газетахъ было напечатано:

„Въ Москвѣ, въ Дорогомиловской слободкѣ, въ Платовскомъ переулкѣ, домъ номеръ четвертый, въ квартирѣ Алексѣевой, двѣ женщины украли изъ сундука семь тысячъ рублей. Мужъ Алексѣевой погнался за воровками и хотѣлъ ихъ задержать. Но женщины подняли крикъ. Собравшаяся толпа приняла Алексѣева за вора и нанесла ему побои, а женщинъ отпустила“.

Вотъ. Людей обокрали. Унесли у нихъ, можетъ быть, послѣднія ихъ деньги. Оба они, мужъ и жена, можетъ быть, всю свою трудовую жизнь копили эти

деньги, чтобъ имѣть копѣйку на черный день. И мужъ поймалъ воровокъ, могъ бы получить свои деньги назадъ! Но вмѣшался слѣпой судья-народъ,—судья горячій и неправедный,—и человѣкъ не только не получилъ назадъ своихъ денегъ, но и самого его избили. А воровки спокойно ушли себѣ съ деньгами. А толпа, какъ будто дѣло сдѣлала, разошлась, и никто даже не будетъ въ отвѣтъ за сдѣланную несправедливость.

Или вотъ еще случай, тоже изъ газетъ:

„Въ послѣднее время преступники, учитывая враждебное отношеніе населенія къ ворами и провокаторамъ, стали пользоваться этимъ настроеніемъ въ тотъ моментъ, когда имъ грозитъ опасность ареста. Въ районѣ 2-го Хамовническаго комиссариата, въ Москвѣ, членъ милиціи Кашаевъ замѣтилъ двухъ опасныхъ воровъ, имѣвшихъ очень приличный внѣшній видъ. Онъ хотѣлъ ихъ задержать. Но вору подняли крикъ: „Граждане-товарищи! Вотъ провокаторъ! Бей его!“ Мигомъ собралась толпа и, не разобравъ, въ чемъ дѣло, бросилась бить Кашаева. Провѣзжавшій на извозчикѣ неизвѣстный офицеръ, также не разобравъ, въ чемъ дѣло, нанесъ Кашаеву ударъ шашкою по лицу. Пока все дѣло выяснилось, настоящіе вору скрылись“.

Кому приходилось видѣть толпу во время самосуда, знаетъ, какъ легко ее распалить и обмануть. Ловкому человѣку ничего не стоитъ заставить ее сдѣлать все, что ему будетъ угодно.

Поссорился я, скажемъ, со своимъ знакомымъ, засталъ на него злобу и рѣшилъ ему отомстить. Поменьше совѣсти, да побольше нахальства,—и я сумѣю прямехонько подвести его подъ самосудъ. Подговорилъ себѣ въ помощь двухъ друзей. Иду по улицѣ, гдѣ, знаю, встрѣчу своего врага. Столкнулся съ нимъ, хватъ его за рукавъ!

— Стой! Ты что? Давай кошелекъ назадъ!

— Какой кошелекъ?

— Какой! Какой ты у меня сейчасъ изъ кармана вытащилъ!

— Перекрестись, что съ тобой?

— Нѣтъ, это ты перекрестись, мошенникъ этакій!

Сбирается толпа. Я намираю на своего врага, хватаю его за воротъ. А тутъ, какъ будто изъ толпы, вмѣшиваются подговоренные мои пріатели. Одинъ говорить:

— Я, голубчикъ, самъ видѣлъ, какъ ты ему со вочкомъ руку въ карманъ запустилъ.

А другой:

— Этого человѣка ужъ который разъ ловятъ. Я его запримѣтилъ!

Что было бы, если бы дѣло пошло по закону? Отправились бы мы всё въ комиссаріатъ, составили бы протоколъ. Насъ бы допросили. Моему врагу было бы очень легко доказать, что я на него имѣю злобу, что все дѣло я подстроилъ, что свидѣтели—мои пріатели, что онъ—человѣкъ честный, и что никогда его на кражѣ не ловили. И изъ всего этого получился бы позоръ только мнѣ-же самому.

Ну, а тутъ, на улицѣ, дѣло пойдетъ по иному. Толпа становится все гуще, подходитъ все новый народъ. Я кричу, трясую своего врага за лацканы пальто:

— Отдай деньги! Видишь, свидѣтели подтверждаютъ... Товарищи! Послѣднія мои деньги этотъ жуликъ у меня вытащилъ, трудовыя мои деньги!

И бацъ его въ морду!

Тутъ дѣло сдѣлано. Вся толпа бросится на человѣка и начнетъ его избивать. А я потихоньку выберусь вмѣстѣ съ пріателями изъ толпы, посмѣюсь и пойду домой. А врага моего, избитаго до безчув-

ствія, съ чернымъ лицомъ и поломанными ребрами, повезутъ на извозчикѣ въ участокъ.

Толпа—звѣрь жестокой и кровожадный. Каждый человѣкъ въ отдѣльности способенъ пожалѣть другого человѣка, даже если онъ виноватъ, разобрать его дѣло, обсудить. Но сгрудились люди въ одну кучу, стали толпою,—и жалость пропадаетъ, и кровь человѣческая начинаетъ пьянить голову, какъ самое хмѣльное вино. И часто самъ человѣкъ очнется потомъ,—и со стыдомъ, съ отвращеніемъ спрашиваетъ себя, какъ проспавшійся пьяница:

— Да неужели-же я это сдѣлалъ?

Вотъ недавно еще былъ случай, онъ тоже описанъ въ газетахъ:

„Въ Москвѣ, въ Дербеновскомъ переулкѣ, одна дѣвушка разрѣшилась отъ бремени мальчикомъ и задушила его. Вѣсть объ этомъ распространилась на улицу. Собралась толпа и начала наносить ей побои. Подоспѣвшіе милиціонеры спасли несчастную“.

Вы только подумайте! Дѣвушка едва лишь родила, все ея чрево—одна сплошная кровавая рана. И дѣвушку эту, ослабѣвшую отъ потери крови и родильныхъ мукъ,—ее бьютъ люди кулаками, волочатъ по полу... Да, преступленіе она совершила великое,—собственными руками убила свое дитя. Но если бы кто судилъ эту женщину на судѣ, если бы былъ, скажемъ, присяжнымъ,—каждый сказалъ бы: „да, преступленіе она совершила великое. Но гдѣ-же тотъ мерзавецъ, который ее обманулъ и бросилъ беременною? Вотъ, по настоящему, кого бы слѣдовало судить, а не дѣвушку эту, которую онъ бросилъ одну на позоръ и на бѣдность“. И каждый, можетъ быть, назначилъ бы дѣвушкѣ самое легкое наказаніе, а то бы и совсѣмъ оправдалъ ее... А здѣсь тотъ-же человѣкъ лупитъ кулаками больную, слабую ро-

дильницу, и воображаетъ, что дѣлаетъ справедливое дѣло.

Или вотъ еще случай, тоже изъ газетъ:

„17 июня сгорѣла мельница близъ станціи Ртищево, Рязано-Уральской желѣзной дороги, принадлежавшая Тильмансу. Охранявшіе станцію Ртищево солдаты, принадлежавшіе къ 145 и 161 запаснымъ полкамъ, заподозрили Тильманса въ поджогъ, арестовали его и, несмотря на уговоры и противодѣйствіе желѣзнодорожныхъ служащихъ, судебного слѣдователя, а также болѣе сознательной части военного караула, убили его въ пассажирскомъ залѣ перваго класса. Послѣ убійства они положили тѣло Тильманса на рельсы, заставили паровозъ два раза проѣхать по трупу, а затѣмъ облили трупъ нефтью и сожгли“.

И обратите вниманіе: солдаты только *заподозрѣли* челоуѣка въ поджогъ, не сочли даже нужнымъ увѣрится въ томъ, правильны-ли ихъ подозрѣнія,—и собственною властью присудили челоуѣка къ мучительной и позорной смертной казни. Въ царскія времена тоже казнили людей, и даже бывало иногда, что казнили по одному только подозрѣнію, и это чернымъ пятномъ позора вѣчно будетъ лежать на царскомъ самодержавіи. Но даже въ тѣ кровавыя времена люди, по крайней мѣрѣ, не издѣвались надъ трупами и питали уваженіе къ мертвымъ. А тутъ!..

Кровь, пролитая палачомъ, обрызгиваетъ ему не только руки, но и душу. Руки можно вымыть, и онѣ станутъ чистыми. Но нѣтъ такого мыла, которымъ можно было бы отмыть кровь, забрызгавшую палачу душу. Эта кровь жжетъ и отравляетъ душу, и опьяняетъ ее, и наполняетъ звѣриною жестокостью. Вотъ почему всегда и вездѣ палачей боятся и ненавидятъ. И дѣло нисколько не измѣнится, если пала-

чомъ будетъ толпа. Пролитая кровь пятнаетъ и калѣчитъ ей душу совсѣмъ такъ же, какъ всякому палачу. Люди перестаютъ цѣнить человѣческую жизнь, пріучаются къ крови, имъ все легче становится проливать ее. Сначала убили виноватаго, потомъ по подозрѣнію. А тамъ ужъ и невинную кровь пролить не такъ уже будетъ трудно. Взять, напримеръ, этихъ солдатъ въ Ртищевѣ. Убили, можетъ быть, невиннаго человѣка, трупъ бросили подъ колеса паровоза; лежитъ на рельсахъ изрѣзанное колесами человѣческое мясо, съ раздробленными бѣлыми костями, залитое кровью, кровь черными каплями бѣжитъ на песокъ. А солдаты поливаютъ это мясо керосиномъ, зажигаютъ и любятъ костромъ. Какъ вы думаете, пройдетъ это даромъ для ихъ души? Конечно, нѣтъ! Звѣрство и лютая жестокость крѣпко засядутъ въ душѣ такого человѣка. И это придется почувствовать при случаѣ и женѣ его, и дѣтямъ, и землякамъ. Ничего также не будетъ удивительнаго, если такой человѣкъ заберется въ темную ночку въ чужую квартиру и вырѣжетъ дочиста цѣлую семью, отъ дряхлой старухи-бабушки до грудного ребенка. Пролить кровь человѣческую для него уже дѣло нестрашное. И вотъ, —вчера онъ казнилъ другихъ людей, а сегодня уже самъ онъ преступникъ. И толпа будетъ расправляться уже съ нимъ. И всѣ станутъ говорить: „такъ и надо! Чтобъ былъ страхъ!“

Это теперь постоянно говорятъ:

— Уничтожать ихъ надо всѣхъ безъ разговоровъ! Страхъ пропалъ. А вотъ какъ будетъ всякій знать, что его тутъ-же на мѣстѣ прихлопнуть, такъ, небось, побоятся!

Въ старыя времена всѣ такъ и рассуждали. Тогда людей казнили безощадно,—и за убійство, и за воровство, и за всякіе другіе проступки. Но постепенно стало вполнѣ очевидно, что пользы отъ такихъ

казней очень мало, а вредъ очень большой. Страха никакого не получалось, а нравы людей грубѣли, развивалась безчувственность, люди пріучались легко относиться къ человѣческой жизни,—все равно, и къ своей, и къ чужой.

А страха получалось удивительно мало. Дѣло доходило даже вотъ до чего.—и это случаи, вполне удостовѣренные. Въ Англіи одно время очень участились карманная кражи. Рѣшили, что мало на карманниковъ страху, и постановили ихъ вѣшать. Вскорѣ поймали карманника, присудили его къ казни. На казнь собралась огромная толпа, вера повѣсили. Люди говорили: „такъ и надо! Теперь на нихъ будетъ страхъ.“ Пришли многіе домой, хватились за карманы,—кошельковъ нѣтъ! Карманники воспользовались давкою вокругъ висѣлицы и великолѣпно поработали надъ очисткою кармановъ публики.

Другой случай былъ такой,—тоже въ Англіи: казнили фальшивомонетчика, а трупъ для острастки отдали его родственникамъ,—на нихъ было подозрѣніе, что они тоже дѣлаютъ фальшивыя деньги. Вскорѣ полиція сдѣлала у нихъ обыскъ, и оказалось, что они стали прятать фальшивыя бумажки—во рту трупа! Вотъ, значить, какъ мало получилось страха.

Въ американскомъ городѣ Бостонѣ долгое время не было смертныхъ казней. Но однажды случился поджогъ, поджигателя поймали и торжественно казнили на площади. Послѣ этого пошли одинъ за другимъ поджоги и въ городѣ, и въ окрестностяхъ. Многихъ поджигателей арестовали, и выяснилось, что всѣ они присутствовали на площади при казни перваго поджигателя.

Всѣ эти случаи показываютъ, что душа человѣческая вовсе не такъ проста, какъ многіе думаютъ: дескать, увидить воръ, что другого вора убили, и испугается, и скажетъ себѣ: „нѣтъ, лучше я ужъ не

буду воровать!“ Дѣло много посложнѣе, и человекѣ не такъ ужъ трусливъ.

Теперь почти во всѣхъ образованныхъ странахъ смертная казнь либо совсѣмъ отмѣнена, либо примѣняется въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Люди поняли, что преступниковъ страхъ казни не удерживаетъ отъ преступленій, а въ народѣ смертныя казни развиваютъ жестокость, дикость и неуваженіе къ человѣческой жизни. Кромѣ того, всякое другое наказаніе, — ссылку, тюрьму, каторгу, — можно отмѣнить, если окажется, что осудили невиннаго. Но смертной казни не отмѣнишь, разъ она уже совершена; жизни человекѣку не веротишь. А между тѣмъ было немало случаевъ, когда послѣ казни преступника вдругъ открывалось, что преступленіе совершилъ вовсе не онъ, что казнили его невинно.

Это все я говорю про смертную казнь, которая творилась по закону и суду. Убийство самосудомъ есть та-же смертная казнь, только беззаконная и еще болѣе ужасная. Поэтому все, что было сказано о вредѣ смертной казни, нужно еще съ большею настойчивостью сказать о вредѣ самосудовъ.

Возражаютъ, что при самосудахъ не можетъ быть ошибки. Самосудомъ расправляются только съ тѣми, кто пойманъ съ поличнымъ, чья вина несомнѣнна. Но это невѣрно. Я уже рассказалъ сейчасъ нѣсколько случаевъ, когда пострадали невинные. Студентъ Лашковъ не былъ воромъ, и только заступился за избиваемыхъ воровъ, а его убили, какъ вора. Мужъ Александровой хотѣлъ отнять у воровъ украденныя деньги, а его самого приняли за вора и избивали. И такихъ случаевъ очень много.

Если даже на судѣ часто страдаютъ невинные, то насколько-же чаще это должно случаться при самосудѣ, гдѣ никто толкомъ не изслѣдуетъ дѣла, не допроситъ свидѣтелей, не выслушаетъ обвиняемаго.

Судять и осуждаютъ человѣка по одной видимости, какъ солдаты въ Ртищевѣ: показался имъ почему-то Тильмансъ подозрительнымъ,—и забили его на-смерть, и бросили трупъ на поруганіе. Лиха бѣда начало: стоитъ только толпѣ взять въ привычку расправляться на мѣстѣ съ пойманымъ преступникомъ,—и она не станетъ долго разбирать и обдумывать, основательны-ли ея подозрѣнія, нѣтъ-ли тутъ какой ошибки.

И мы видимъ, что съ каждымъ днемъ самосуды становятся все неразборчивѣе, все свирѣпѣе и кровожаднѣе. Народъ какъ будто пьянѣетъ отъ крови и отъ власти. Вотъ какой случай недавно описанъ въ газетахъ. Читаешь,—и кажется, видишь какой-то ужасный, невѣроятный сонъ, и хочется проснуться, хочется увѣрить себя, что это только сонъ, что въ жизни люди не могутъ быть такими безсердечными и кровожадными. Такъ вѣдь возможно поступать только со щенками, а не съ людьми.

По Волгѣ шелъ пароходъ. На пути между Саратовомъ и Самарою одна женщина на нижней палубѣ проснулась, хватилась своихъ денегъ,—ихъ нѣтъ. Она подняла крикъ:

— Батюшки! Ограбили!

Собралась толпа, стала спрашивать. Женщина говорить: вытащили у нея тридцать рублей. Какой-то солдатъ вдругъ заявилъ:

— Не иначе, какъ вотъ этотъ вытащилъ! Больше никому. Я видѣлъ,—все время онъ вокругъ нея вертѣлся.

И показываетъ на прилично одѣтаго человѣка, который лежалъ на лавочкѣ напротивъ женщины.

Человѣкъ поблѣднѣлъ, сталъ клясться и божиться, что это не онъ. Но толпа обступила его, стащила съ лавки и начала обыскивать. Раздѣли до-гола, все обшарили, ничего не нашли. Однако стали избивать.

Потомъ поволокли его на носовую часть палубы, связали и, на полномъ ходу, бросили въ Волгу подь колеса парохода.

Толпа воротилась къ женщинѣ и отдала ей одежду убитаго. Женщина стала благодарить. Вдругъ изъ чулка у нея выпали деньги.

— Эй, тетка! Это что-же такое?!

Женщина всплеснула руками.

— Господи! Что-же это! Я и позабыла, что деньги на ночь въ чулокъ себѣ спрятала, чтобы не украли. Вѣдь, значить, напрасно я на того!..

— А, ты вотъ какъ!..

Избили ее до полусмерти. Потомъ взялись за солдата. Поволокли его къ борту, поставили на колѣни и приказали каяться. Послѣ этого и его тоже сбросили въ рѣку подь парходныя колеса.

И газета прибавляетъ: „на Волгѣ и въ Поволжьѣ самосуды стали обычнымъ, повседневымъ явленіемъ. Толпа ожесточается съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, становится кровожадной. Пролитіе крови для нея становится потребностью. Она ищетъ хоть какого-нибудь повода для кровавой расправы. Народъ положительно дичаетъ“.

Тѣ, кто защищаетъ самосуды, говорятъ еще такъ:

— Какъ-же ихъ, мерзавцевъ, не избивать? Что-же дѣлать съ ними? Отправятъ ихъ въ милицію, отдадутъ подь судъ. Присудятъ на годъ тюрьмы, а тамъ опять на волю выпустятъ! И опять пойдутъ они народъ обижать. Нѣтъ, этакъ-то лучше! Какъ перебьютъ ему на ногахъ кости, да переломаютъ ребра, — другой разъ и захочетъ опять за свои дѣла взяться, да не сможетъ! И другимъ ворами всѣмъ будетъ поучительно!

Такъ можно было еще, пожалуй, возражать въ царскія времена, когда законы у насъ издавало правительство, не спрашиваясь у народа. Но теперь

самъ народъ назначаетъ правительство, самъ народъ можетъ утверждать и измѣнять законы, наказывающіе преступниковъ. По вашему, законъ слабо наказываетъ преступниковъ? Убѣждайте измѣнить законъ, давайте наказы вашимъ депутатамъ. Но разъ волею народа такіе законы существуютъ, всякій обязанъ имъ подчиняться.

Время сейчасъ серьезное и грозное. Прежнему нашему правительству мы не вѣрили и ненавидѣли его. Законы его мы исполняли только изъ-подъ палки, изъ страха наказанія. И многіе изъ насъ возненавидѣли всякое исполненіе законовъ. Теперь настала свобода. Темная часть народа поняла ее такъ: всякій дѣлай, что хочешь, законовъ никакихъ не надо исполнять. Такое мнѣніе очень опасно для свободы и революціи. Чтобъ защитить свободу, всѣмъ намъ слѣдуетъ дружно сплотиться вокругъ выбранной нами власти, подчиняться ей и строго исполнять ея законы и распоряженія. Свободная страна отличается отъ рабской именно тѣмъ, что свободный гражданинъ исполняетъ законы по доброй волѣ, а не изъ-подъ палки. И не только самъ исполняетъ, но слѣдуетъ за тѣмъ, чтобы исполняли и другіе.

Кто расправляется съ преступникомъ самосудомъ, тотъ показываетъ этимъ, что не вѣритъ народной власти, не признаетъ народныхъ законовъ, что свою власть онъ ставитъ выше общей власти. Ни одинъ сознательный человекъ не долженъ участвовать въ самосудѣ. Мало того: онъ долженъ рѣшительно вмѣшиваться во всякій самосудъ, объяснять толпѣ всю нелѣпость, и всю слѣпоту самосуда и требовать передачи преступника въ справедливыя руки народной власти.

85929

